

- 7 Рейндерс сотрудничал с Хичкоком также в фильмах «Шантаж» и «Богатые и странные».
- 8 «Это был фильм о театре», – сказал Хичкок (см.: *Трюффо Ф.* Указ. соч. С. 39).
- 9 *Зупанчич А.* Лучшее место для смерти: театр в фильмах Хичкока // То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока). М., 2004. С. 71.
- 10 *Sullivan J.* Op. cit. P. 196.
- 11 *Bonitzer P.* The Skin and the Straw // Everything You Always Wanted to Know about Lacan (But Were Afraid to Ask Hitchcock) / Ed. S. Žižek. L., 2010. P. 178–184.
- 12 См.: [http://en.wikipedia.org/wiki/Que_Sera,_Sera_\(Whatever_Will_Be,_Will_Be\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Que_Sera,_Sera_(Whatever_Will_Be,_Will_Be)), а также: *Pomerance M.* The Future's Not Ours To See: Song, Singer, Labyrinth in Hitchcock's *The Man Who Knew Too Much* // Soundtrack Available: Essays on Film and Popular Music. Durham; L., 2001.
- 13 Que sera, sera
Whatever will be, will be
The future's not ours to see
Que sera, sera
- 14 Хичкок не был бы Хичкоком, если бы не вывернул эту тему наизнанку, изобразив инфернальное присутствие голоса матери в сыне в фильме «Психоз».

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

С.Ю. Неклюдов

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОРИСТ АЛЕКСАНДР ДЮМА И ЛЕГЕНДА О ДЕВИЧЬЕМ КУРГАНЕ

1

Совершая в 1858–1859 г. поездку по России (Санкт-Петербург, Москва, далее по Волге до Астрахани и на Кавказ), Александр Дюма описал ее в путевых очерках, которые сперва публиковались в журнале «Монте-Кристо», затем появлялись в виде отдельных книг и, наконец, были собраны вместе в одном издании¹; по выражению Андре Моруа, он вообще «любил путешествия и умел возвращаться домой с объемистыми рукописями»². В гл. LXVI своих очерков («Степи и соленые озера») писатель несколько страниц посвятил Стеньке Разину³. Часть его рассказа о знаменитом разбойнике, «настоящем легендарном герое, как Робин Гуд, Жан Сбогар и Фра Диаволо», который «мог бы стать великим человеком и знаменитым завоевателем, если бы родился князем», представляет собой развернутую историческую справку о событиях, зато другая часть является изложением чрезвычайно любопытного предания о Девичьем Холме (*Dévitchei Kolm* 'colline de la Jeune-Fille'), источник которого, как и в прочих случаях, автор не указывает⁴.

Вообще количество рассказов о России, изложенных путешественником, сильно превышает возможности того, что он мог прочитать о ней по-французски (а это прежде всего вольтеровская «История Российской Империи в царствование Петра Великого»⁵); русским же языком писатель не владел. Хотя ему специально делали переводы некоторых текстов, скажем, в качестве подстрочников для последующего художественного переложения

ния, подавляющее большинство сведений он, вероятно, черпал из бесед со своими образованными собеседниками, говорившими, естественно, по-французски и, видимо, развлекавшими гостя анекдотами о персонажах и событиях русской истории⁶, иногда – связанных с теми местами, через которые он проезжал. «Всюду и везде именитые князья, губернаторы провинций, предводители дворянства и помещики оказывали ему теплый прием»⁷; среди них, например, говоривший «на великолепном французском языке» генерал Н.П. Беклемишев⁸, наказной атаман Астраханского казачьего войска, возможно – потомок черноморского воеводы Семена Беклемишева, ограбленного и изувеченного «воровскими казаками» Стеньки Разина. Обладая отменной памятью и прямо-таки сверхъестественной способностью к производству письменных текстов, Дюма, насколько можно понять, чуть ли не ежевечерне и весьма подробно записывал свои дневные впечатления, по мере накопления отсылая их в журнал.

Что касается локального волжского (собственно, жигулевского, самарско-лукского) предания о Разине, то уж его-то прочитать, хотя бы и с чьей-либо помощью, нашему путешественнику было решительно негде – в известной науке «разиниаде» такой текст не зафиксирован; придумать же подобное автор не мог: все мотивы в рассказе – подлинные, об этом говорят и рассматриваемые ниже литературные контексты; возможные авторские привнесения немногочисленны и будут отмечены особо. Вообще, вопреки мнению Моруа, отражающему расхожие представления об исторических и этнографических недостоверностях в описаниях Дюма⁹, его плохое знание российской действительности сильно преувеличено¹⁰.

Таким образом, перед нами – уникальная фольклорная версия, важная для понимания истории легенды о Разине. По-видимому, писатель услышал ее от кого-то из местных дворян или упоминаемых в очерке казачьих офицеров, с которыми ему случилось беседовать.

Сам текст стоит того, чтобы процитировать его подробно.

Влюбленный в дочь знатного человека, бандит выдает себя за торговца украшениями и появляется в отчем замке той, которую любит;

говорит, что не может продолжать путь из страха быть ограбленным Стенькой Разиным, настойчиво просит гостеприимства. <...> Так прошла неделя; на восьмой день Стенька Разин объявил девушке о своем отъезде; она, вся охваченная любовью, предложила уехать с ним. И тогда Стенька Разин признался ей, кто он и какой опасности она подвергла бы себя, связавшись с бандитом своенравным, взбалмошным и еще более зависимым от сотоварищей, нежели сотоварищи зависят от него. На все, что только мог сказать Стенька Разин, она отвечала: «Я люблю тебя».

Двое влюбленных уехали вместе. В течение двух лет они вели веселую жизнь триумфаторов; затем, наконец, настали иные дни. В понимании Стеньки Разина Волга была вроде покровительствующего божества <...> он, чтобы умиловить Волгу, пожертвовал ей самые дорогие вещи из своих сокровищ. Действительно, Волга в береговых излучах, на островах, которые она держит в объятиях и омывает своими водами, всегда давала ему надежные укрытия. В ночь, когда бандит потерпел первое поражение от русских, с сотней своих сотоварищей он укрылся на холме, который сегодня называют Девичьим и который тогда был безмянным. Выпив там, забыли или, скорее, попытались забыть превратности дня; но чем больше Стенька Разин пил, тем больше мрачнел. Ему казалось, что Волга стала к нему охладевать и пробил час принести ей великую жертву. Еще держась на ногах, поднялся на скалу, господствующую над рекой, и там, обращаясь к ней с импровизированной песней (*dans un chant improvisé*):

«Я потерял твое расположение, – высказывал он, – хотя прежде ты защищала меня, сына Дона, как если бы я был одним из твоих сыновей. Что должен я совершить, чтобы ты вернула мне твою утраченную дружбу? Какое из самых дорогих моих сокровищ ты потребуешь пожертвовать тебе? О, ответь мне, старая Волга!» Он прислушался, ответит ли ему река, и услышал эхо, которое донесло: «Ольга!» Это было имя его любовницы. Он подумал, что ослышался, и повторил свое обращение к реке. Эхо повторило: «Ольга!»

Для Стеньки Разина это было приговором судьбы. Он позвал девушку, которая спала и которая, вся светясь улыбкой, пришла к нему. Он помог ей подняться на самое высокое место холма, на край обрыва, где они оба оказались над рекой. Последний раз он прижал ее к сердцу, соединил свои губы с ее губами и во время долгого и по-

следнего поцелуя вонзил ей в сердце свой кинжал. Девушка вскрикнула, бандит раскрыл объятия, и искупительная жертва пала и скрылась в реке.

С того дня холм зовется Девичьей горой (*la montagne de la Jeune-Fille*). Если у кого будет время там остановиться, то можно проверить, есть ли эхо. На имя Волга, которым ее окликают, река по-прежнему отвечает: Ольга!

Через неделю после смерти любовницы, словно это свой добрый гений он принес в жертву злему духу, Стенька Разин был разбит и схвачен князем Долгоруким.

Как можно убедиться, предание состоит из трех частей. В первой разбойник, переодетый купцом, обольщает девушку, соблазняя ее богатствами, награбленными в персидском походе; история завершается отъездом (бегством?) любовников. Во второй Волга, покровительствующая Разину, оказывается – по его мнению, во всяком случае, – неудовлетворена приносимыми ей дарами и требует себе возлюбленную атамана, что и побуждает его совершить кровавое жертвоприношение. Третья часть – этиологический финал, который в свою очередь включает два компонента: происхождение названия «Девичья гора» и эха, откликающегося именем погибшей девушки. Наконец, возмездием за совершенное злодеяние объясняется близкая гибель самого Разина.

2

Поскольку с функциональной точки зрения перед нами топонимическое предание (*С того дня холм зовется Девичьей горой*), рассмотрим в первую очередь именно данную тему. Речь идет об одном из утесов Жигулевского горного массива, находящемся на излучине Волги между Усольем и Сызранью (Самарская Лука). Вот как описывает это место Адам Олеарий, посетивший его в 30-е годы XVII в.:

Вскоре затем следовала Девичья гора (точнее, *Diwiza gora* 'Девичья гора'), у которой речка, при той же почти глубине, проходит очень

узкое место. Гора лежит по правую руку, она очень высока, крута у берега и очень приятна на вид. Она представляет ряд ступеней, вроде как бы скамеек, одну над другою, из красного, желтого и синего песчаника; они похожи точно на старые стены¹¹.

Ему вторит археолог и исследователь русских древностей К.И. Невоструев:

Горы с северной и восточной стороны почти обрывом или стеною, поросшею, однако, лесом или кустарником, упираются в Волгу, и голые верхи их, конусообразные, часто увенчанные дикими скалами, возвышаются над уровнем Волги – Усольская Вышка до 100 сажен, Девичий курган и Два Брата до 110 сажен, Лысая Гора до 120 сажен¹².

По оценке тех же наблюдателей, специфика данной местности, помимо крутизны спускающегося к Волге склона, заключается в ее удобстве для разбойничьих засад и укрытий:

Ради густого темного леса, красиво покрывающего берега с обеих сторон, местность здесь приятна на вид¹³, но в то же время она очень опасна для путешественников, в виду удобств, какие она представляет для разбоя, особенно в виду высоких стоящих здесь гор, откуда приближающихся людей можно видеть издали и приготовиться к грабежу. Говорят, что обыкновенно казаки находятся около этой Речки. Они и в прошлом году захватили здесь принадлежавшую богатейшему купцу в Нижнем лодку с товарами¹⁴.

Это было некогда место встречи отрядов казаков–разбойников, которые [находясь] на этой вершине, могли обозревать значительное расстояние, как вверх, так и вниз по реке, и по средствам этого было возможно останавливать и грабить те суда, кои они считали возможным¹⁵.

Центр или площадь гор отличается холмами и многими глубокими оврагами, лощинами и буераками, идущими в Волгу; северная половина ее покрыта лесами. Таковая местность представляла много удобств для безопасности, ограждения и укрепления жилищ, а с другой стороны, привлекала всякую вольницу, беглых и голытьбу, ко-

торые и безопасно могли здесь укрываться, и в то же время наблюдать и грабить идущие по Волге суда¹⁶.

Вот как это происходило:

Устье Усы в течение почти трех веков, вплоть до половины XIX ст., было самым страшным местом на Волге. Здесь было настоящее разбойничье гнездо, в котором сидели «удалые добры молодцы» и сторожили проходившие по Волге суда. Завидев издали, с какого-либо высокого обрыва судно, они спешили к берегу, прятались в кусты, отвязывали свои лодки и поджидали. Как только судно приближалось, раздавался страшный разбойничий крик: «Сарынь на кичку!» Эти слова производили магическое действие, – никто не решался сопротивляться¹⁷.

Свидетельство Олеария говорит о том, что упомянутые особенности здешнего рельефа использовались разбойниками по крайней мере за несколько десятилетий до Разина и что уже тогда местность в этом качестве была вполне освоена казаками. Следовательно, Разин выступил восприимчивым практиком, сложившейся задолго до него; относительно поздними являются и локальные этиологические мотивы, связанные с его именем:

Предание о строителях крепости [речь идет о городище на южной половине Самарской Луки] и прежних ее обитателях различно <...> иные устроение крепости усвоят Стеньки Разину – и в доказательство представляют три яблони на южной стороне горы, посаженные в ряд будго бы руками самого Разина <...> мы полагаем, что это городище было древнее, Татарское, но впоследствии занято было Русскими казаками, охранявшими край или разбойничавшими, и состояло под каким-нибудь заводом или кузницами. Потому вместе с огромными камнями и с древними вещами Татарского употребления здесь встречаются и ружья и признаки доменных печей и кузнечного производства¹⁸.

Столь же анахронистичен топонимический мотив («на холме, который сегодня называют Девичьим и который тогда был безымянным»). На самом деле этот ороним существовал задолго до

Разина, более того, до середины XVIII в. все Жигулевские горы, или по крайней мере их часть, именовались «Девичьими» (по сведениям «Казанского летописца», сер. XVI в.¹⁹) либо Девьями (*Montagne devi*, согласно картографу Г. Делилю, нач. XVIII в.)²⁰; топоним же «Жигулевские горы» (которые до начала XIX в. вообще не рассматривались как единый массив²¹) впервые появляется, видимо, лишь в «Путешествии по разным провинциям Российской империи» П.-С. Палласа²². Более того, нет уверенности, что во всех исторических источниках, в которых встречается ороним *Девичья / Девья*, речь всегда идет об одной и той же горе²³; Впрочем, для изучения нашей легенды это не столь важно.

Аналогичную «гендерную семантику» имеет, по-видимому, название «Амазония» у космографа Фра-Мауро (сер. XV в.)²⁴, которое можно соотнести с преданием, рассказанным П. Флемингу как участнику экспедиции Голштинского посольства и отраженным в сонете, написанном им по этому поводу:

Скажите, русские, так весть в устах народа
Про гору – истинна? Так правда то, что тут
Премудрый карла жил, как нам передают,
И дева здесь была, из исполинов рода?
И гору дивную хранит с тех пор природа,
И Девичью все поднесь ее зовут?
Что случилось с девою?²⁵

Трудно сказать, что за мифологический образ стоит за фигурой «мудрого карлика» (*kluger Zwerg*), но что касается «девы из рода исполинов» (*eine Jungfer auch der Ankunfft von den Risen*), то здесь уместно вспомнить местные сказания о девах-воительницах (усольской богатырке Усолке, двенадцати сестрах-богатырках, живших в устье Усы и т. п.²⁶); при этом зачастую подобные предания связаны именно с топонимическими (конкретно – с оронимическими) сюжетами данного региона и сопредельных традиций, например:

...храбро сражалась наряду с мужчинами женщина-батыр Мухиба, и пала на поле битвы. Похоронили ее вон на той горе. <...> Гору поэтому называют Мухиба тауы (*Məxibə tauyı*)²⁷.

...девушка по имени Сюярбика, известная своей красотой на всю округу, храбро сражалась против пришельцев. <...> Почти у деревни на горе снова настигли ее враги. <...> Одна против шестерых до последнего сражалась мужественная девушка и погибла. В честь этой храброй девушки и названа гора (*һөйәрбикә тауы*). Ее же имя носит мыс (*һөйәрбикә мороно*)²⁸.

Та же мифологическая модель сохраняла свою продуктивность вплоть до самых недавних времен:

Это случилось, когда в нашем ауле только что установилась Советская власть, была создана милиция – отряд из семи человек. Среди них была русская девушка по имени Анна. <...> Враги стали ее преследовать. Долго не могли догнать, а когда все-таки стали приближаться к всаднице, Анна повернула своего коня прямо на крутую гору. Впереди – отвесный обрыв, позади – враги. Чтобы не попасться им в руки, ударила коня по крупу и, словно птица, вспарила над крутояром. Так погибла эта храбрая девушка. С тех пор гору стали называть Аннаоскан-тау – Гора, откуда упала Анна (*Аннаоскантау*)²⁹.

Существует целый ряд топонимических преданий о горе, привлекающей внимание Олеария и Флеминга (или о ней и соседней с ней: Молодецкий курган и Девичья / Девья гора / Девичий курган). По словам П. Брюса (запись 1722–1723 гг.), «вблизи от реки Уса находится удивительный холм, называемый Девичья гора, о которой они сообщают много баснословных историй, не заслуживающих повторения»³⁰. В подобных преданиях рассказывается о любви лесной отшельницы и охотника, о юноше и девушке, защитивших свой край от нашествия врагов и превратившихся в две скалы³¹, о 12-ти дочерях ходжи Тырьшмала, которые по приказанию врагов босиком целыми днями таскали землю и насыпали курган, названный поэтому Девичьей горой³², о разбойнике и его пленнице, что уже ближе к «версии Дюма» (хотя финал тут – полярно противоположный):

Рассказывают, что некий лихой атаман полонил прекрасную девушку. Задумала она убежать от нелюбимого и, притворившись лас-

ковой да нежной, уговорила атамана посидеть на краю обрыва у реки. А когда заснул он у нее на руках, столкнула вниз со скалы³³.

Однако именно тематическое разнообразие свидетельствует о вторичности этиологических объяснений по отношению к устойчивому орониму – видимо, в разное время у носителей разных традиций название «девичья» притягивало к себе разные объяснительные сюжеты. Не исключено, что первичным является представление о некоем женском духе-хозяине, наподобие хозяйки медной горы в фольклоре уральских горнорабочих. В подобном случае его след усматривается в образе горной отшельницы из самарско-лукского предания; вероятно, по той же логике Лысая гора, традиционное место шабаша ведьм, именовалась Бабьей³⁴.

Поскольку рассматриваемая легенда относилась к прибрежному волжскому утесу, скрывавшему разбойничьи (и конкретно казацкие) заставы, приурочивание к нему разинской темы является вполне естественным; ср. свидетельство другого самарского предания:

Из Саратова выступили в Жегулинские горы, приискали удобное место, покопали себе землянки, устроили все в порядок. Стенька стал выезжать на Волгу разбивать суда³⁵.

Можно предположить, что существовала версия топонимического сюжета о девушке, сброшенной (или бросившейся) с отвесной скалы в Волгу, – этот мотив многократно воспроизводится в этиологических рассказах, связанных с подобными рельефами. Так, в тюркских (башкирских и казахских) традициях названия целого ряда гор объясняется тем, что та или иная вершина была поименована в честь местной красавицы, покончившей там с собой (обычно – из-за невозможности соединиться с любимым):

...И тогда Булякбике каким-то образом удалось бежать из дома. <...> Она забралась на самую макушку горы и запела. Мулла отправился по ее следам, забрался на гору. В тот самый момент, когда он хотел схватить сзади девушку, она бросилась с горы в реку.

<...> Тело же Булякбики так и осталось не найденным. После того трагического случая гору, находящуюся между аулами Набиево и Новое Мунасиново, стали называть Горой Булякбики, а камень, сидя на котором она пела, – Камнем Булякбики (*Булякбика каяһы*)³⁶.

...Вдруг те, кто искал, слышат голос. Вышли на поляну и видят: сидит Инсебика на самой высокой крутой скале, нависшей над рекой, свесив ноги, печальную песню напевает... Когда отец и мать к ней приблизились, чтобы схватить, Инсебика порывисто вскочила и кинулась со скалы в пучину вод. Вот почему эту скалу народ называет Камнем Инсебики (*Инсебикэтайи*)³⁷.

Жила в этих краях девушка. Акбет Буркитбаева. <...> На рассвете, в день свадьбы, на могиле возлюбленного клянется она, что сердце ее будет принадлежать только ему и никогда не станет женой другого. Вздвигается она на самую высокую гору, вместе с которой когда-то встречали они первые лучи солнца. И <...> попросившись со всеми родными и близкими, сбросилась с горы вниз. <...> Гора Белоликая, названная так в честь несчастной Акбет...³⁸

...А называется она так потому, что она, так как самая высокая, собирает очень много света, а на вершине – голые камни, издалека они кажутся очень светлыми, почти белыми. А еще говорят, что она так называется, потому что на ней погибла очень красивая девушка, которую звали Акбет. Она <...> полюбила джигита красивого, но бедного. А ее отец-скряга решил не выдавать замуж за бедного, а только за богатого, чтобы получить хороший калым. <...> Узнав об этом, девушка убежала из дома, забежала на эту гору и сбросилась вниз, не желая жить с нелюбимым³⁹.

...Она поднялась на самую высокую гору и бросилась с вершины вниз. <...> А местные жители с тех пор эту гору называют Акбет [‘белое лицо’], потому что в лучах солнца она такая же белая и чистая, как лицо той красавицы⁴⁰.

Существование такой гипотетической версии местного предания подтверждается следующим сюжетом, в котором топонимический мотив, объясняемый самоубийством героини, прямо связывается с разинской тематикой:

Жили во времена Степана Разина бедный юноша Иван Молодцов и пригожая красавица, дочка усольского богатея, Груня. Полюбили они друг друга, но отец девушки не хотел выдавать дочку за бедняка безродного, пригрозил ему лютой смертью, если не отступится тот от Груни. Ушел Иван в вольницу Степана Разина, надеясь богатства раздобыть и тогда сватать любимую. Но разбили царские войска атаманово воинство, а малая ватага Ивана пряталась в Жигулях. Послал он весточку Груне, хотел увидиться с ней на прощание. Отец девушки узнал про их свидание и повел царёвых стрелков по следам дочери. Бой был неравным и долгим. Смертельно ранили Ивана, настигнув его да Груню на вершине скалистого утеса. И бросился Иван Молодцов с обрыва вниз со словами прощания на устах. Вскрикнула Груня раненой птицей и побежала вниз по откосу, пытаясь догнать любимого, а за ней отец со стрельцами. Взбежала она на горку, что нависала над Волгой, и кинулась с кручи вслед за своим милым. С тех пор и прозвали курган Молодецким, а гору, что тесно прижалась к нему, – Девьей⁴¹.

Наличие подобного рассказа способно объяснить синтез сюжетов о жертвоприношении девушки и о любовных похождениях атамана; за пределами «версии Дюма» ничего подобного нам не встречалось. Вероятно, именно здесь героиня получает и свое эхо-имя «Волга – Ольга»; обратим внимание, что оно упоминается в пересказе предания только непосредственно перед жертвоприношением и лишь как отзвук разинских инвокаций, тогда как в первом сюжетном ходе, прямо посвященном отношениям героев, оно не встречается ни разу; таким образом, имя любовницы атамана скорее всего вторично по отношению к названию реки. Впрочем, независимо от правдоподобности этих предположений наличие в пересказе французского путешественника сюжета Разин приносит в жертву Волге свою возлюбленную не вызывает сомнения.

Примечателен сам способ жертвоприношения: прежде чем сбросить девушку в Волгу, Разин закалывает ее. Подобная «дублирующая» деталь (вполне «шекспировская»⁴²) никогда более не встречается в этой легенде, да и невозможна в ней (единственный вид холодного оружия, который использует Разин, это сабля⁴³). Она, очевидно, восходит к театральному жесту, подсказанному

писателю его собственным творчеством, а именно романтической драмой «Антони» (1831), где герой в финале закалывает свою возлюбленную. Описание этой сцены в пьесе и в изложении предания чрезвычайно сходно – вплоть до последних объятий и последнего поцелуя⁴⁴:

Легенда о Разине

Последний раз он прижал ее к сердцу, соединил свои губы с ее губами и во время долгого и последнего поцелуя вонзил ей в сердце свой кинжал. Девушка вскрикнула, бандит раскрыл объятия, и искипительная жертва пала и скрылась в реке.

Обратим, однако, внимание на различие «ролевых диспозиций» в обоих текстах: отец – дочь – соблазнитель (в предании), муж – жена – соблазнитель (в драме), что тем не менее не препятствует их тематическому отождествлению (ситуации, видимо, воспринимаются как ковариантные) и взаимопроникновению их семантических элементов.

Несмотря на давность лет, сцена из этой ранней, но весьма успешной пьесы Дюма⁴⁵ могла актуализоваться в памяти автора в силу чрезвычайной схожести драматической интриги: герой проникает в дом возлюбленной, разными способами продлевает свое пребывание там и предлагает ей бежать вместе с ним («Беги же со мной, беги, и мы забудем обо всех и станем помнить лишь себя» [Антони, V, 3]). Речь при этом идет не о целенаправленной литературной переработке (таких целей писатель себе вроде бы не ставил), а об автоматическом использовании имеющейся нарративной модели (как, собственно, это обычно и происходит в устной традиции).

Вообще подобное «двухтактное» убийство, при котором надежность результата словно бы страхуется дополнительным, «контрольным» ударом, не слишком характерно для фольклора. В этой связи вспоминается городская баллада «Васильки» (пред-

Драма «Антони» (V, 3)

Адель (*бросается в его объятия.*) Я пришла за ней [за смертью].

Антони (*целует ее*). Хорошо: умри! (*Закалывает ее кинжалом.*)

Адель (*падая в кресло*). Ах!

ставляющая собой переработку стихотворения А.Н. Апухтина «Сумасшедший», точнее – его фрагмента⁴⁶):

Коля вдруг вынул кинжал, / Тихо над Олей склонился, / Оля упала в реку, / Веночек к ногам покатился⁴⁷; Милый тут вынул кинжал, / Низко над Лёлей склонился. / Лёля закрыла глаза, / Труп ее в воду свалился⁴⁸; и т. д., во множестве вариантов.

Сходный случай – популярный романс «Окрасился месяц багрянцем...»⁴⁹:

И это сказавши, вонзила / В грудь ножик булатный ему. / Сама с обессиленным сердцем / Нырнула в морскую волну. / Всю ночь волновалось море, / Ревела морская волна; / А утром приплыли два трупа / И щепки того челнока.

Показательно, однако, что в фольклоризованных вариантах первый элемент часто выпадает (очевидно, как избыточный) – причиной гибели обеих персонажей остается только утопление в бурном море, куда мстительница специально направляет лодку⁵⁰.

Еще одна особенность «версии Дюма» – ее финал: жертвоприношение не достигает цели, напротив, оно предвещает гибель атаману, поскольку само деяние истолковывается как принесение «своего доброго гения» (т. е. возлюбленной) в жертву «злому духу» водной стихии. Хотя есть искушение счесть заключительную фразу предания («словно это свой добрый гений он принес в жертву злому духу...») «частным суждением» рассказчика, может быть, самого Дюма, уместно вспомнить лермонтовское стихотворение «Атаман» (1831)⁵¹, по своему интерпретирующее ту же легенду, конкретно, строки относящиеся именно к совершенному злодеянию – утоплению в Волге любовницы: «Горе тебе, гроза-атаман, / Ты свой произнес приговор»; ср. у Дюма: «Для Стеньки Разина это [необходимость жертвоприношения] было приговором судьбы». Подобное соответствие позволяет поставить вопрос о наличии некоего общего (устного?) источника обоих текстов, в котором поражение и гибель героя рассматривалась в качестве возмездия за убийство девушки, имеющее к тому же символический смысл и характеризующее исключитель-

ную преступность и греховность природы Разина⁵²; ср. его покайнную самохарактеристику в уральском предании:

От начала мира и до сегодня, не было ни в человеках – человека, ни в зверях – зверя, ни в змиях – змия, ни в гадах – гада, подобного мне, не было ни единой на свете твари, коя бы равнялась со мной по злобе и лютости: я всех превысил!.. Многое-множество пролил я крови христианской; многое-множество загубил душ неповинных⁵³.

3

Легенда о Разине и персидской княжне известна едва ли не каждому русскому человеку благодаря популярной песне на стихи Д.Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (1883)⁵⁴. Примечательно, однако, что это самое известное произведение Садовникова-поэта не имеет почти никакого отношения к преданиям о Степане Разине, записанным Садовниковым-фольклористом⁵⁵. В основе данного сюжета лежит рассказ одного из непосредственных свидетелей движения Степана Разина (точнее, астраханского периода этого движения) – голландца Яна Стрэйса, мастера парусного дела, находившегося на русской службе⁵⁶. Описание его путешествий и приключений⁵⁷, которое с 1676 г. и до конца XVIII в. издавалось не менее 15 раз – не только по-голландски, но также на немецком, французском, английском языках, получило широкую известность. В 1824 г. русский перевод фрагмента из французского перевода книги Стрэйса напечатал историк и литератор А.Ф. Корнилович⁵⁸, в 1880 г. главы, относящиеся к России, перевел (также с французского) историк П.О. Юрченко⁵⁹; первый полный русский перевод с голландского оригинала появился только в 1935 г.⁶⁰

Вот как звучит эта легенда в изложении Стрэйса:

При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому⁶¹, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы,

и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя⁶².

Из предпринятого недавно исследования исторических контекстов легенды выясняется, что нет ни одного документа, подтверждающего реальность (даже вероятность) описываемого в ней события, как и существования «персидской княжны» (опять-таки – и самой возможности ее существования)⁶³, хотя вообще-то разинское движение, особенно его астраханский период, документировано весьма неплохо⁶⁴. Есть и другие основания полагать, что не всем «свидетельским показаниям» Стрэйса следует верить. Дело в том, что его мемуары в значительной части повторяют описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию, составленное Олеарием и увидевшее свет за 30 лет до издания книги Стрэйса; встречаются у него и фрагменты некоторых других сочинений⁶⁵. При этом Стрэйс прибегает к плагиату, вероятно, не только ощущая некоторую неполноту своих сведений, но и в тех случаях, когда его собственного опыта, казалось бы, вполне достаточно. Впрочем, использование заимствований из более ранних сочинений вообще составляет существенную характеристику европейских описаний России⁶⁶. Подобного рода бессмысленные выдержки вызывают обвинения в литературном воровстве уже со стороны современников⁶⁷, особенно если автор присваивает заведомо чужие впечатления.

Именно так обстоит дело с рассматриваемой легендой. Скорее всего, Стрэйс услышал ее от кого-то из казаков или из местных жителей, – у него, прекрасно знавшего русский язык и имевшего весьма широкий круг общения (в том числе – в Астрахани)⁶⁸, таких возможностей было вполне достаточно;

приписывание же себе непосредственного свидетельства производится, очевидно, для большей убедительности рассказа. Но главное: данная версия является не единственной записью легенды конца XVII в. Одновременно со Стрэйсом в Астрахани находился другой голландец, Людвиг Фабрициус, офицер на русской службе, автор мемуарных записок, составленных на немецком языке (видимо, между 1688 и 1693 г.) и повествующих о его приключениях, в том числе – об астраханском периоде разинского движения, свидетелем которого он был⁶⁹.

В отличие от своего прославившегося соотечественника Фабрициус, не искушенный в литературном труде, не прибегает к заимствованиям у других авторов и вообще старается писать только о том, что видел сам⁷⁰; соответственно, пересказывая рассматриваемый сюжет, он не выдает себя за свидетеля происшествия, что было бы и невозможно, поскольку в его изложении дело происходит еще до «персидского похода» Разина и не на Волге, а на Яике – об этом же периоде голландец мог знать лишь с чужих слов. Таким образом, Фабрициус и Стрэйс записали две разные версии легенды, причем Фабрициусу, также свободно владевшему русским языком⁷¹, она вероятно стала известна еще до взятия Астрахани разинцами.

Сопоставление обеих версий обнаруживает большую последовательность и, по-видимому, первичность рассказа Фабрициуса. Если у Стрэйса речь идет о пьяной выходке, почему-то выразившейся в человеческом жертвоприношении (нелепость подобной «необдуманной жестокости» ощущает и сам рассказчик), то в изложении Фабрициуса это – традиционный сюжет с ритуалистической основой, имеющий большое количество фольклорно-мифологических параллелей (чтобы обеспечить себе благоприятные условия для выхода в море, а также во исполнение договора, ранее заключенного, но нарушенного долгим промедлением, глава отряда приносит девушку в жертву местному божеству – духу-хозяину водоема):

Но сначала Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением он поднял-

ся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив – то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица»⁷².

Скорее всего, «персидская княжна» появилась в традиции уже после «персидского похода» Разина («похода за зипунами»). Выйдя по завершении яицкой зимовки весной 1668 г. в Каспийское море, разинцы достигли его южного берега, где выдержали несколько сражений с шахскими войсками. Они перезимовали там и вернулись в Астрахань, разбив у Свиного острова персидскую флотилию и захватив сына командующего флотом, а также (якобы) его дочь. В Астрахани топики «яицкого сидения» со всеми сопутствующими ей мотивами, видимо, потеряла злободневность, будучи перекрыта свежими впечатлениями от «похода за зипунами», что и обусловило легкость замены «знатной татарской девы» на «персидскую княжну».

При дальнейшей трансформации легенды мотив жертвоприношения (в версии Стрэйса) утрачивает причинно-следственные связи с окружающим повествованием, оказываясь «отдарком» без договора и его нарушения (у Фабрициуса принесение девушки в жертву уже в экспозиции рассказа представлено как прямая мотивация поступка Разина). В своей интерпретации события Стрэйс-повествователь вообще не касается темы жертвоприношения, которая сохраняется лишь в обращении Разина к Волге, поступок же его расценивается только как «необдуманная жестокость», объяснимая сильным опьянением и проистекающим отсюда «неистовством»; у Фабрициуса, напротив, Разин трезв⁷³, а жертвоприношение не требует дополнительных толкований, хотя автор и

обращает внимание на его «необычный способ» (*auff ein seltsame Weise*), что может относиться как к характеру описываемого ритуала, так и к самому факту принесения девы в жертву.

Существенно, что Фабрициус не стал публиковать свои записки, и они оставались неизвестными вплоть до середины XX в.⁷⁴; их полный текст с русским переводом вышел в свет только в конце 1960-х годов⁷⁵. Поэтому данная версия не могла влиять на многочисленные сюжетные трансформации легенды в русской литературной традиции, в конечном счете восходящей к тексту Стрэйса. Эта традиция чрезвычайно богата – десятки произведений поэтических, прозаических (включая популярные исторические описания), драматургических, кинематографических и живописных. Можно назвать стихотворения А.С. Пушкина (1824–1826), М.Ю. Лермонтова (1831), С.Н. Мельникова (1883), Д.Н. Садовникова (1883), М.И. Цветаевой (1917), И.П. Уткина (1938), А.Я. Аронова, поэмы В.В. Каменского (1927–1928 г.), В. Хлебникова (1921–1922); обстоятельно разработанные сюжетные линии в романах Д.Л. Мордовцева (1891), А.Е. Зарина (1909), В.В. Каменского (1916), А.П. Чапыгина (1924–1927), И.Ф. Наживина (1928), С.П. Злобина (1951), В.М. Шукшина (1968), С.В. Логинова (1997); первый российский художественный фильм «Понизовая вольница» (1908) и мн. др.

В устной традиции, напротив, тема утопления персидской княжны представлена лишь единичными сообщениями⁷⁶, а в народных песнях она вообще не присутствует⁷⁷; что же касается более позднего появления данного мотива в некоторых текстах (в том числе в народной драме «Людка»), то оно почти наверняка инспирировано фольклоризованными версиями стихотворения Садовникова⁷⁸. Первое сообщение приводится Костомаровым, услышана же была им эта «история несчастной пленницы», которая «сохранилась до сих пор в темных сказочных преданиях о Стеньке», по-видимому, при собирании фольклорно-этнографических материалов во время саратовской ссылки автора 1848–1856 гг.:

Плыл (говорит народ) Стенька по морю, на своей чудесной кошке, играл в карты с козаками, а подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась буря. Товарищи и говорят ему:

«Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку». Стенька бросил ее в море, – и буря утихла⁷⁹.

Вторую версию записал П.Я. Якушкин в астраханский период своей жизни (вторая половина 1860-х годов), но аутентичность этой записи, вмонтированной в литературную ткань путевого очерка, вызывает сомнение⁸⁰. Наконец, отдельные элементы сюжета похищение женщины – утопление пленницы можно обнаружить и в обширной серии преданий о знаменитом разбойнике, опубликованной Садовниковым⁸¹, хотя, как было сказано, связное повествование на данную тему здесь отсутствует. Таким образом, можно предполагать, что до середины XIX в. в народной памяти сохранялись лишь основные контуры легенды, восходящей к концу 1660-х – началу 1670-х годов (свидетельства Фабрициуса и Стрэйса). Очевидно, она пересказывалась в вольной форме, дополнялась и интерпретировалась сообразно той или иной локальной традиции, пока не была «подновлена» сюжетом песни на стихи Садовникова, которая не только породила вторичные устные версии, но и обусловила оживление интереса к данной «исторической» теме в литературе и искусстве XX в.

«Версия Дюма», имеющая ряд значимых совпадений с наиболее архаической версией Фабрициуса, дает нам ценнейший материал для исторической реконструкции легенды. Во-первых, Разин здесь также утрачивает благорасположение речного духа, требующего для себя более серьезных даров, нежели обычные (или просто давно не предоставляемые) приношения. Во-вторых, принесение девушки в жертву, согласно обеим версиям, есть целенаправленный акт, долженствующий вернуть герою покровительство реки. Следует, однако, заметить, что здесь обнаруживается и радикальное нарушение обычного ритуального сценария: девушка, приносимая в жертву водяному духу, никогда не убивается – это изменило бы исходную матримониальную мотивацию всего сюжета, которая, видимо, продолжает ощущаться в соответствующих текстах как некая «внутренняя форма».

Схождение с версией Стрэйса обнаруживается в перенесении места действия с Яика на Волгу, а также в предшествующей со-

бытию попойке атамана в кругу сотоварищей. Следовательно, можно говорить о сохранении в устной традиции середины XIX в. основных контуров «исходного» ритуалистического сюжета, а также первой фазы его переработки, сопровождающейся сменой локализации и экспозиционного антуража. При этом ситуация «сидения» в ящом Гурьеве (куда разинцы уходят от преследующих их правительственных войск) и в убежище на волжском Девичьем кургане вполне сопоставимы. В историко-типологическом плане «версию Дюма» надлежало бы расположить между версиями Фабрициуса и Стрэйса.

Наконец, возлюбленная атамана здесь не знатная пленница, а русская девушка благородного происхождения, которая добровольно, подвергаясь очевидному риску, даже будучи предупрежденной о грядущей опасности, следует за разбойником, «свое-нравным, взбалмошным и еще более зависимым от сотоварищей, нежели сотоварищи зависят от него». Появление этого мотива («зависимость от сотоварищей»), отсутствующего в версиях Фабрициуса и Стрэйса, может быть объяснено двояким образом. Прежде всего, как раз во время пребывания в России Дюма в «Отечественных записках» (Т. 121. Кн. 11, 12 [1858]), а затем – отдельным дополненным изданием (СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1859) публикуется труд Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», который на долгие годы становится для читающей публики главным источником сведений по истории разинщины. В этой книге Костомаров впервые – именно в связи с рассматриваемым сюжетом – затрагивает тему взаимоотношений атамана с его «сотоварищами»:

Увлечись сам на время красотой пленницы, атаман, разумеется, должен был возбудить укору и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе, и, быть может, чтоб показать другим, как мало он может привязаться к женщине, пожертвовал бедною персиянкою своему влиянию на козацкую братию⁸².

Весьма вероятно, что данный текст, уже известный одному из образованных собеседников Дюма, был использован при пересказе легенды французскому писателю. Не исключено, впрочем, что истоки подобной «зависимости», предсказывающей и гряду-

щую гибель героини, следует видеть в изложенном Костомаровым фольклорном предании, согласно которому инициатива утопления возлюбленной исходила от «сотоварищей» Разина.

4

История ухода героини из родительского дома имеет ряд значимых балладно-новеллистических параллелей, литературных и фольклорных. Конечно, вспоминается пушкинский «Дубровский» (1833). Как и Разин из «версии Дюма», герой романа, «благородный разбойник», под чужим именем проникает в дом отца своей возлюбленной; прежде чем покинуть его, открывается ей; она готова бежать с ним; он пытается похитить ее, уже обвенчанную. При этом матримониальные намерения героя можно представить как одну из алломорф мотива вор притворяется женихом девушки и приходит за ней (Mot K311.8.3).

– Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, – сказал он наконец, – вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться... <...> Я не то, что вы предполагаете, – продолжал он, потупя голову, – я не француз Дефорж, я Дубровский (гл. XII).

Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла – но еще медлила, еще ожидала <...> и все еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее (гл. XVIII).

Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полу-маске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: – Вы свободны, выходите. – Что это значит, – закричал князь, – кто ты такой?.. – Это Дубровский, – сказала княгиня (гл. XVIII).

Итак, в основе нашего предания лежит тема проникновения разбойника в дом будущей жертвы (Mot K310) и ее конкретная сюжетная реализация: чтобы достичь намеченной цели, разбойник переодевается купцом (Mot

К311.14). Существует рассказ о том, как Разин вошел со своим отрядом в некий персидский город (видимо, Фарабат⁸³), успокоил перепуганных жителей, говоря, что собирается здесь только делать покупки (т. е. некоторым образом выдавая себя за «человека торгующего»), а затем, усыпив их бдительность, учинил резню и грабеж; подобную хитрость он применял неоднократно:

Жители одного городка в Персии, прослышав о его приближении, укрылись в соседней крепости. Тогда Стенька известил их, что нет надобности им опасаться и предложил воротиться, обещая что от него и людей его не будет им никакого зла, а что, дескать, они купят у них за деньги провиант и другие нужные им вещи. Жители воротились с полным доверием и открыли лавки, где Стенька и солдаты его покупали, что им требовалось, и платили сполна за купленное. Но вскоре Стенька подал знак казакам своим, а был у них уговор, что когда, идучи по базарной площади, сдвинет он шапку на условленный лад, то надлежит им броситься и перебить всех жителей, что в точности и было исполнено, а после повторено в других местах на границе с Персией⁸⁴.

Данный рассказ, по происхождению устный меморат, был включен в анонимную немецкую брошюру 1671 г.⁸⁵, а затем неоднократно и без существенных изменений воспроизводился другими авторами⁸⁶. Пленение персиянки никак не соединено с этим преданием, однако именно из персидского похода, одним из важных эпизодов которого является разорение Фарабата, пленница, согласно легенде, и была вывезена. Главное же: Стенька предстает здесь как разбойник, который проникает на территорию своих будущих жертв якобы с торговыми целями, что полностью соответствует указанным фольклорным мотивам (Mot K310, K311.14).

Едва ли не самым известным произведением, включающим подобный сюжетный ход, является «Рассказ про Али-Бабу, сорок разбойников и невольницу Марджану»⁸⁷ (AaThUth 954):

Сам атаман надел платье богатого купца и погнал мулов в город. Наступал вечер, уже темнело. Атаман направился прямо к дому Ка-

сима и увидел, что у ворот сидит человек, веселый и приветливый. Это был Али-Баба. Атаман подошел к нему и низко поклонился, коснувшись рукой земли. «Добрый вечер, почтенный купец, – сказал он. – Я чужеземец, из далекой страны. Я привез запас дорогого масла и надеялся продать его в вашем городе. <...> Не позволишь ли ты мне провести у тебя одну ночь?»

Эта «криминальная история», по выражению М. Герхардт⁸⁸, не вошедшая в общеизвестную «египетскую» редакцию «Тысячи и одной ночи»⁸⁹, была тем не менее в распоряжении французского ориенталиста, путешественника, ученого библиотекаря и собирателя редкостей Антуана Галлана (1646–1715), первого переводчика знаменитого литературного памятника, 12-томное издание которого пользовалось огромным успехом по крайней мере до середины XIX в.⁹⁰, и Дюма, конечно, знал не только эту книгу (см. в его изложении легенды: «бандит обладал диковинами из “Тысячи и одной ночи”»), но и эту сказку («Ali Baba et les Quarante Voleurs») – одну из самых популярных в собрании. Данное обстоятельство опять-таки не исключает возможности произвольной «нарративной подсказки», идущей от запомнившейся литературной модели, и внесения в пересказ ранее услышанного предания некоторых отсутствовавших в нем деталей. Однако более широкий литературный контекст позволяет иначе истолковать их появление.

В стихотворении А.В. Кольцова «Стенька Разин» (1838)⁹¹ знаменитый разбойник влюбляется в дочку «гостя новгородскова» и предлагает ей, покинув отца, бежать из своего терема, от чего она, в противоположность героине «версии Дюма», отказывается, опасаясь «страшного суда»:

В некрещеном славном городе, / На крутом, высоком острове / Живет девушка-красавица. / Дочка гостя новгородскова... / <...> / «Ах, душа ль моя ты, душенька! / <...> / Не сиди, не плачь; ты кинь отца; / Ты беги ко мне из терема; / Мы с тобою, птицы вольные, / Жить поедем в Москву красную. / Отвечает ему девица: / «За любовь твою, мой милый друг, / Рада кинуть отца с матерью; / Но боюсь суда я страшнова!»

Дело, видимо, не только в страхе перед грядущим наказанием за сам проступок, но и в нежелании связывать свою судьбу с великим грешником, каковым в народной традиции, как было сказано, часто представляется Разин; вообще существует устойчивая связь имени Разина с понятием страшного суда («Здесь я буду жить до второго пришествия, до Суда Страшного; тогда судьба моя окончательно решится, тогда и муку мне положат настоящую, по делам моим, какую заслужил»⁹²). Весь антураж стихотворения (терем, расположенный в «славном городе на крутом, высоком острове», девушка, поющая под окном «песни задушевные», «наши братские-отцовские»), логическая несогласованность фрагментов «наивной» картины мира (дочь новгородского купца из «некрещеного» города), наконец, обилие устойчивых формул поэтического языка (*добрый молодец, леса темные, птицы вольные* и др.) с большой степенью вероятности говорят об устном источнике данного произведения. Не исключено, что упоминание «некрещеного славного города», в котором живет девица, объект любовных посягательств Стеньки Разина, есть отзвук фольклорного сюжета о плененной в Персии красавице-княжне.

Обращение к фольклору органично для Кольцова, вообще опиравшегося на устную традицию, писавшего в жанре «русской песни»⁹³ и даже специально занимавшегося записью народных песен⁹⁴. Что же касается сюжета стихотворения, то он в полной мере соответствует топике преданий о Разине – похитителе дочерей и жен богатых горожан, например:

Стенька <...> вздумал раз съездить в Саратов-город. Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасную дочь, под названием Марья Федоровна, и так ему захотелось ее к себе забрать в супружество. Дождался он, когда она на разгулку или на балкон выйдет. Через несколько времени выходят на балкон и выносят большой самовар; купец с купчихой садятся чай кушать, и дочь их выходит. Стенька напустил воды, раскинул кошму и подъехал к балкону; взял купеченскую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жегулинские горы⁹⁵.

В последнем случае опять-таки обнаруживаются совпадения с «версией Дюма» – вплоть до разбойничьего стана в Жигулевских горах, куда атаман привозит любовницу, а основное различие между текстами – в способе овладения желанной женщиной (похищение vs обольщение, хотя в определенном смысле обольщение можно считать вариантом похищения, смягченным в угоду лирическому жанру).

В балладе Д.Н. Садовникова «Зазноба» (1882)⁹⁶ Разин, как и у Дюма, «переряжен купцом» и лишь в финале раскрывает свое инкогнито, а объектом его посягательств является «зазнобившая» атамана «раскрасавица Алена», уже не дворянская или купеческая дочь, но «чужемужняя жена»; таким образом, «грех великий», в который вводит ее соблазнитель, здесь гораздо более очевиден, чем в случае с дочерью, сбежавшей от отца к любовнику:

«Говорю тебе – уйди! / Не гляди так смело в очи, / В грех великий не вводи!..» / – «Ну, коль этак, – молвит Стенька, – / Так на чью-нибудь беду / Я непрошенный сегодня / Ночью сам к тебе приду». <...> «Что ты делаешь, разбойник? / Ну проснется, закричит!..» / – «Закричит, так жив не будет... / Пусть-ка лучше помолчит. / Не ошиблась ты словечком, – / Что вводить тебя в обман: / Не купец – казак я вольный, / Стенька Разин – атаман!»

Угроза («так на чью-нибудь беду... так жив не будет») имеет под собой некоторые основания. Практически одновременно на тот же сюжет создается баллада С.Ф. Рыскина «Удалец» (1882)⁹⁷, в которой все этапы разбойного похищения возлюбленной описаны вполне прозрачно:

Живет моя зазноба в высоком терему / <...> / При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца, / Но он не остановит детину-удальца: / Короткая расправа с ним будет у меня – / Не скажет он ни слова, отдав кистеня!.. / <...> / И выйдет мне навстречу, и хилый и седой, / Постылый муж зазнобы, красотики молодой, / И он не загородит собой дороги к ней!.. / <...> / Войдет тогда к желанной лихая голова, / Промолвит: будь здорова, красавица вдова!.. / Бежим со мной скорее, бежим, моя краса, / Из терема-темницы в дремучие леса!⁹⁸

Как и у Лермонтова, герой здесь назван не Разиным, а «атаманом» и «удальцом», однако совпадение фабульных опор и ряда значимых деталей позволяет включить балладу Рыскина в одну тематическую группу со стихотворениями Кольцова и Садовникова, а также с «версией Дюма», что в свою очередь дает основание предположить их общий источник (скорее всего, фольклорный) и общего героя – Степана Разина; само название «Удалец» (у Рыскина), возможно, является отсылкой к одноименной балладе Кольцова (1833) – также на «разбойничью» тему⁹⁹. Следует добавить, что много лет спустя А. Ширяевец¹⁰⁰ в своем стихотворении описывает жизнь «заснобы» уже после ее брака с атаманом – словно бы в продолжение баллады Рыскина:

С. Рыскин, «Удалец»:

Живет моя засноба в высоком терему <...> К товарищам с желанной примчится атаман; / И будет пир горою тогда в густом лесу, / И удалец женою возьмет себе красу; / Он скажет: не увидишь со мной ты черных дней!

А. Ширяевец, «Атаманова засноба»:

Нет утехи, нет покоя / С той поры, как мой родной / Закатился с голытьбою / К понизовью на разбой... / Где простились, вкруг да окол / Все брожу я у реки... / – Ах, неужто сгибнет сокол / С той ли вражеской руки!

Упоминание «понизовья», которое после фильма «Понизовая вольница» (1908) стало прочно ассоциироваться с именем Степана Разина, косвенно свидетельствует о том, что «Удалец» Рыскина и впоследствии воспринимался именно как баллада о Разине. Вообще же опыты сюжетного продолжения баллад со «счастливым концом» зачастую характеризуются сменой регистра на противоположный – с романтического на сатирический¹⁰¹, с лирико-драматического на сниженно-бытовой. Такова, например, песня «Жена алкоголика»¹⁰², предлагающая «продолжение» сюжета известной песни «Я Мишу встретила на клубной вечериночке...» и в пессимистических тонах рисующая семейную жизнь, которую обрела героиня после свадьбы; в известном смысле соотношение этих двух текстов совершенно аналогично соотношению стихотворений Рыскина и Ширяевца.

Суммируем наши наблюдения, относящиеся к тематическим параллелям рассмотренных текстов:

	Общие тематические элементы	Дюма	Кольцов	Садовников	Рыскин
1	<i>Замок / терем / хоромы</i>	В отчем замке	В некрещеном славном городе, на крутом, высоком острове... в тереме...	По посаду городскому, мимо рубленных хором	Живет моя засноба в высоком терему
2	<i>Дочь / жена знатного / богатого (~ старого) человека</i>	дочь знатного человека, богача	Дочка гостя новгородского	раскрасавица Алена, чужеземная жена... Муж сидит в ряду гостином да алтынам счет ведет	и хилый и седой, постылый муж заснобы, красотики молодой
3	<i>Поет песни / плетет кружева</i>		Под окном сидит растворенным, поет песни задушевные	А жена одна скучает, тонко кружева плетет	
4	<i>Переодевание в купца</i>	бандит выдает себя за торговца украшениями		Стенька... переодетый купцом	
5	<i>Препятствия на пути, их преодоление</i>			Не удержат ретивого ни запоры, ни замки... «Неравно старик вернется... Ну проснется, закричит!»	При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца, но он не остановит детину-удальца
6	<i>Убийство мужа / сторожа</i>			Так на чью-нибудь беду... Закричит, так жив не будет...	короткая расправа с ним будет у меня – не скажет он ни слова, отдав кистень!
7	<i>Призыв бросить отца / мужа (~ скрытый / явный)</i>	Разин объявил девушке о своем отъезде	ты кинь отца; ты беги ко мне из терема	Либо лаской, либо силой, а тебя добуду я!	Бежим со мной скорее, бежим, моя краса, из терема-темницы в дремучие леса!
8	<i>Согласие / отказ</i>	она предложила уехать с ним...	рада кинуть отца с матерью; но боюсь суда я страшнова!	Совесть зазрит слушать льстивые слова... «Уходи скорей отсюда!... Чай, я – мужняя жена...»	
9	<i>Отъезд</i>	Двое влюбленных уехали вместе			К товарищам с желанной примчится атаман
10	<i>Счастливая жизнь влюбленных</i>	В течение двух лет они вели веселую жизнь триумфаторов			И будет пир горою тогда в густом лесу, и удалец женою возьмет себе красу; он скажет: не увидишь со мной ты черных дней!

Итак, альтернативные фабульные варианты связаны с исходной ситуацией и, соответственно, с семейным статусом героини: «дочь» (у Дюма и у Кольцова) или «жена» (у Садовникова и Рыскина), чем обусловлено последующее разворачивание сюжета: «бескровное» похищение (~ попытка похищения) дочери в первом случае; убийство (~ угроза убийства) «старого мужа» во втором¹⁰³. Общими для всех вариантов являются три тематических элемента: (1) замок / терем / хоромы, где проживает героиня; (2) ее статус (дочь / жена знатного / богатого человека); (7) скрытое или явное предложение бросить отца / мужа и бежать с героем (~ согласиться на любовные отношения с ним); к последнему элементу следует добавить еще (8) реакцию героини: согласие или отказ (у Рыскина данный элемент не присутствует, но, как можно понять, предполагается положительная реакция).

В каждой из рассмотренных баллад развязка совпадает с кульминационным моментом, центральный эпизод соблазнения / похищения женщины (включая ее согласие / несогласие) является в них и сюжетным завершением (о гибели героини, естественно, речь не идет); скорее всего, так обстояло дело и в прототипической фольклорной традиции. По-видимому, именно подобный «открытый финал» создает возможность монтажа сюжетов о любовном приключении Разина и о жертвоприношении духу реки. Напомню: в текстах Стрэйса и Фабрициуса о пленении наложницы сообщается очень лаконично:

При нем [Разине] была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей (Стрэйс).

Год назад он полонил ее [красивую и знатную татарскую деву] и до сего дня делил с ней ложе (Фабрициус).

Именно эта краткая экспозиция, отраженная старейшими изложениями легенды, замещается в «версии Дюма» сюжетом, который по-новому интерпретирует появление возлюбленной у разбойничьего атамана. По мере выветривания из фольклорной

памяти собственно исторической тематики («персидский поход», «яицкое сидение») ситуация начинает трактоваться в балладно-новеллистическом ключе; процесс, вообще имеющий универсальный характер.

Что же касается этиологического финала, то возможность его появления, по-видимому, обусловлена двумя факторами. Во-первых, следует указать на ослабление собственно ритуалистической фабулы предания (требование дарополучателя отчетливо не артикулировано и, возможно, порождено ложной интерпретацией затемненного похмельем сознания; соответственно, жертвоприношение расценивается как злодеяние, не достигает своей цели, и, напротив, предвещает герою гибель). Во-вторых, обратим внимание, что сюжет приурочен как раз к тем местам, в традиции которых топонимическая (конкретно – оронимическая) модель обнаруживает особую продуктивность – именно в связи с разинской тематикой.

Народная традиция связывает с именем знаменитого разбойника целый ряд приволжских возвышенностей – утесов, курганов, гор: Молодецкий Курган, Бахилловская гора, Бирючьи горы и др.¹⁰⁴ «Берега Волги усеяны урочищами с его именем <...> В одном месте набережный шихан (холм) называется “Стол Стеньки Разина”, потому что он там обедал с своими товарищами»¹⁰⁵. «По правому берегу Волги, к югу от Саратова, имеются так называемые, “бугры” Стеньки Разина, где, по преданию, было жилье атамана. В пещерах содержались пленные»¹⁰⁶. «На самом высоком бугре стояло кресло с насечкой из слоновой кости. Отсюда Разин рассматривал все суда, проходившие мимо, и чинил суд и расправу»¹⁰⁷. В некоторых преданиях говорится об их рукотворности; прежде всего это касается Царева Кургана, расположенного недалеко от Самары, в районе впадения реки Сок в Волгу:

Утверждают, что славный некогда по Волжским окрестностям грабитель и праотец войска Донского Стенька Разин соорудил сию достопамятную громаду, которая ему во многих случаях, а особливо в полулю воду, служила защитой и убежищем... Можно его почитать за достопамятный останок силе помянутого злодея: ибо камни, состав-

ляющие основание Царева Кургана, до несколько сот пуд в себе имеющие, требовали многолюдства и облегчающих орудий¹⁰⁸.

«Все эти бугры, – заключает Н.И. Костомаров – схожи между собою тем, что отделяются от материка ущельями, которые в весеннее время наполняются полою водою; все эти бугры – экземпляры одного идеального бугра, существующего в народном воображении»¹⁰⁹.

Возможно, топонимический финал предания обусловил чисто локальный характер его функционирования, что препятствовало распространению текста за пределы местной традиции, и, не оказавшись любознательный французский путешественник в середине позапрошлого века вместе со своим словоохотливым спутником где-то в районе Самарской Луки, эта версия легенды, способная многое прояснить в ее истории, так и осталась бы неизвестной.

Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ

- 1 De Paris; Astrakan. Nouvelles impressions de voyage par Alexandre Dumas. Bruxelles, 1858–1862; Paris 1865; Impressions de voyage en Russie par Alexandre Dumas. P., 1866; см. полный рус. пер.: Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч.: В 3 т. / Предисл. М. Трескунова. Ист. справки С. Исколюя. М., 1993. Далее перевод цит. по изд.: Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию / Пер., вступит. статья и примеч. В.А. Ишечкина. М., 2009. С. 667–784 (очерк «Степи»).
- 2 Моруа А. Три Дюма // Моруа А. Собр. соч.: В 6 т. / Пер. с франц. Сост. и общ. ред. М.Н. Ваксмахера. Вступит. статья З.И. Кернозе и В.Н. Пронина. М., 1992. Т. 1. Ч. 7. Гл. 5 («Поездка в Россию»; с. 152 по эл. изд.: http://lib.aldebaran.ru/author/morua_andre/morua_andre_tri_dyuma/).
- 3 Impressions de voyage en Russie... P. 8–13.
- 4 Сказано только: «Это снова предание, связанное со Стенькой Разиным» (*C'est encore une tradition qui se rattache à Stenka Razine* [Impressions de voyage en Russie... P. 10]).
- 5 Voltaire. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre-le-Grand. Genève, 1759–1763. Vol. I–II.
- 6 «То, что мы собираемся рассказать о Петре I, вы не найдете в “Истории” Вольтера», «Пока князь Трубецкой рассказывал мне различные охотничьи пе-

рипетии...», «когда князь Трубецкой, который рассказал мне этот анекдот...», «Гамильтон [сын адмирала русской службы] рассказывал еще об одном приключении...», «Эту быль, что ярко живописует патриархальные нравы России, рассказал очевидец события, офицер с сибирских рудников — генерал Семенко-Быковец», «Раз уж мы вязнем в необычных историях, то вот еще две, только что мне рассказанные; подаю их в горячем виде», «Это происшествие рассказано князем Волконским...», «...каждое утро рассказывали что-нибудь новенькое...», «Перевожу для вас на французский язык рассказ Миллелотти. Поверьте, дорогие читатели, в нем нет ничего моего», «Дандре... взамен жаркого рассказывал кавказские истории...», «Вот что рассказали о способе, которым царевич заставил себя признать», «Княгиня Трубецкая, подруга императрицы — жены Николая I мне рассказывала...», «Наступила очередь Анненкова рассказывать мне про свои приключения», «Один купец рассказал нам...», «Один офицер рассказывал мне...», «Калино... рассказывал мне...»

⁷ Моруа А. Указ. соч., с. 154 по эл. изд.

⁸ «Там я ночевал в палатке посреди степи и пировал с очаровательным человеком, господином Беклемишевым, атаманом астраханских казаков» (из письма сыну). Цит. по: Там же, с. 154 по эл. изд.

⁹ «Дюма никогда не отличался точностью, однако его рассказы по возвращении из России превзошли приключения Монте-Кристо. Хорошо выдумывать тому, кто прибыл издалека» (Там же, с. 156 по эл. изд.).

¹⁰ Пахсарьян Н.Т. Образ России в «Мемуарах» А. Дюма, или «Развесистая клюква» литературной репутации // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. № 2 (Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII – начала XX веков: Материалы «круглого стола» в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН [5 декабря 2006 года]), цит. по: (http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=52&binn_rubrik_pl_articles=253); см. также: Дурьлин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 491–562; Ощепков А.П. Образ России во французских путевых записках XIX века: Научная монография. М., 2010; Он же. «Занимательная история» России в «Путевых впечатлениях» А. Дюма // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 79–85.

¹¹ Olearius A. Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. Schleswig, 1647; Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию и обратно / Введение, перевод, примеч. и указатели А.М. Ловягина. С 19 рисунками на особых листах и 66 рисунками в тексте. Издание А.С. Суворина. СПб., 1906. С. 379. (Здесь и далее разрядка моя. — С.Н.)

¹² Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств. М., 1871 (из Трудов 1-го Археологич. съезда). С. 41–43, 48.

¹³ «Спутники Олеария в стихах изливали к ней восторженные свои чувства» (Невоструев К.И. Указ. соч. С. 41–43, 48); речь идет о сонете П. Флеминга, о котором будет сказано ниже.

- 14 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 379.
- 15 *Bruce P.H.* Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Contain an account of his travels in Germany, Russia, Tartaru, Turkey, the West-Indies... L., 1782. P. 237–238. Перевод цит. по: *Брусникины А. и Н.* Девья гора // <http://rgo-volga.narod.ru/Devia-gora.html>
- 16 *Невоструев К.И.* Указ. соч. С. 42.
- 17 *Сырнев И.Н.* Среднее Поволжье // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. СПб., 1901. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заповолжье. С. 413.
- 18 *Невоструев К.И.* Указ. соч. С. 48.
- 19 «...ведуща съ собою более 10 000 рыболов русских, ловящих рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камня и до Увека» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1903 [изд. 2-е.: М., 2000]. Т. XIX: История о Казанском царстве [Казанский Летописец]. Гл. 13: «О печали великого князя о христьянехъ въ Казани погибшихъ, и радость его о Шигалееве животе»).
- 20 *Виноградов А.В.* Самарская Лука как крупный центр праславянской языческой культуры // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Самарская Лука, 2009. Т. 18. № 3. С. 15.
- 21 *Брусникины А. и Н.* Указ. соч.
- 22 Жигули (возвышенность) // Википедия. Свободная энциклопедия [[ru.wikipedia.org/wiki/Жигули_\(возвышенность\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Жигули_(возвышенность))]; *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768–1773. Bd. 1–3. Theil. St. Petersburg, 1771–1776 (= Graz, 1967).
- 23 *Шульгина В.В.* О том, как Девичья гора пол поменяла // Миражи над Жигулями (<http://www.awesta.sibirjak.ru/page-id-85.html>); *Брусникины А. и Н.* Указ. соч.
- 24 *Виноградов А.В.* Указ. соч. С. 15.
- 25 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 380 (пер. А. Ловягина); немецкий оригинал: *Olearius A.* Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. S. 357.
- 26 *Сырнев И.Н.* Указ. соч. С. 413–414; *Шульгина В.В.* Указ. соч.; *Алексеева Н., Шульгина В.* Усольские амазонки // Литературная Губерния. Международный Альманах (<http://samaralit.ru/?p=6937>).
- 27 Башкирское народное творчество. Уфа, 1987. Т. 2: Предания и легенды. № 31 («Гора Мухибы») [С. 48].
- 28 Там же. № 40 («Гора Сюярбики») [С. 51–52].
- 29 Там же. № 62 («Аннаоскан-тау – Гора, откуда упала Анна») [С. 67–68].
- 30 *Bruce P.H.* Op. cit.
- 31 *Виноградов А.В.* Указ. соч. С. 15; «Хозяйка жигулёвских гор» // <http://wiki.irkutsk.ru/index.php>; http://stavropol63.hut2.ru/3-8_index.html; <http://www.liveinternet.ru/tags/>
- 32 Ветры великих Булгар: легенды, предания, байты и исторические материалы / Сост. С.М. Гилязутдинов. Казань, 1993 (Библиотека журнала «Казань». Вып. 11–12). Цит. по: *Брусникины А. и Н.* Указ. соч.

- 33 Самарская Лука // Национальный парк «Самарская Лука» (http://www.npsamluka.ru/about_park); Девья (Девичья) гора // Зеленая Самара. Экологический портал (http://ecolog63.ru/article_dev_maiden_mountain/).
- 34 *Левкиевская Е.Е.* Гора // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1 (А-Г). С. 520–521.
- 35 *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884 (Зап. Импер. Русского географического общества. Т. XII); далее цит. по изд.: *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края / Подгот. текста, послесловие и приложение Ю.Б. Орлицкого. Самара, 1993 (биб-ка «Самарской энциклопедии»). Вып. I–II. № 110 [с. 123].
- 36 Башкирское народное творчество. Т. 2. № 51 («Скала Булякбики») [С. 60–61].
- 37 Там же. № 52 («Камень Инсебики») [С. 60–61].
- 38 Благодатная земля (несказочная проза Бараула) / Сост. А.Д. Цветкова, А.А. Садыкова. Павлодар, 2005. № 40 [с. 72–73].
- 39 Там же. № 41 [с. 73–74].
- 40 Там же. № 39 [с. 71–72].
- 41 Самарская Лука // Национальный парк «Самарская Лука»; Девья (Девичья) гора // Зеленая Самара. Экологический портал.
- 42 «Дездемона. Еще минуточку! Дай помолиться! — Отелло. Поздно чересчур. (Душит ее.) <...> За дверью шум. Жива! Еще жива? / Я — изувер, но все же милосерден / И долго мучиться тебе не дам. / Так. Так. (Закалывает ее.)» (Отелло, V, 2).
- 43 Ср.: «Однажды явился Разин к одному пчелинцу [пчеловоду, пасечнику] и грозно потребовал от него денег и две кадки меду; когда пчелинец заупрямился было, Стенька погрозил ему саблей». «Глядь, а перед ним человек <...> а в руке сабля острая. “Ну что, хозяин, не признаешь?” — “Не признаю”. — “Я и есть Разин, пришел с того света тебя проучить. Говори, где клад, а не то твою голову с собой унесу”» (*Аристов Н.Я.* Предания о кладах // Записки по отделению Этнографии Импер. Русского Географического Общества. СПб., 1867. Т. I. С. 709–739; *Цыбин В.* Заговоренные клады и кладоискатели. М., 1994. С. 23–25).
- 44 Оригинальные тексты:

Легенда о Разине

Une dernière fois, il la serra contre son cœur, appuya ses lèvres sur les siennes, et, au milieu d'un long et suave baiser, il lui enfonça son poignard dans le cœur. La jeune fille jeta un cri, le bandit ouvrit les bras, et la victime expiatoire tomba dans le fleuve, où elle disparut.

Драма «Антони»

Adèle. *Se jetant dans ses bras.*
Je viens la chercher.
Antony, *lui donnant un baiser.*
Eh bien, meurs! *Il la poignarde.*
Adèle, *tombant dans un fauteuil.*
Ah!..

- 45 Успех сопутствовал ей и на русской сцене: «после того как Каратыгин перевел на русский язык “Антонии”, “Ричарда Дарлингтона”, “Терезу” и “Кина”, драматургия Дюма произвела в России настоящую литературную революцию. Чтобы увидеть пьесы Дюма, в театры повалила знать». *Моруа А.* Указ. соч., с. 152 по эл. изд.
- 46 *Апухтин А.Н.* Полное собрание стихотворений. Л., 1991. № 237; *Архипова А.С.* Как погибла Оля и родился фольклор // «Кирпичики»: Культурная антропология и фольклористика сегодня. Сборник статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А. Архипова, М. Гистер, А. Козьмин. М., 2008. С. 563–591.
- 47 Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А.В. Кулагиной, Ф.М. Селиванова. Вступит. статья. Ф.М. Селиванова. М., 1999. № 385.
- 48 Песни русских поэтов в двух томах / Вступит. статья, сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. В.Е. Гусева. Л., 1988. № 801; Любимые песни. Тюмень, 1995. Вып. IV. С. 78–79.
- 49 Сокращенная версия баллады А. фон Шамиссо «Ночная прогулка» (1828) в переводе Д.Д. Минаева (Живописное обозрение, 1884). См.: *Никитин П.П.* Культура народов — выше барьеров розни! // Центры немецкой культуры. Информационно-методический бюллетень. 1999. № 4 (октябрь–декабрь). С. 20–21; Антология одной песни: «Nächtliche Fahrt» или «Окрасился месяц багрянцем» // Живой Журнал Давида Эйдельмана (<http://davidaidelman.livejournal.com/1024340.html>). Это произведение в свою очередь несомненно опирается на немецкую фольклорную традицию; ср. чрезвычайно схожую народную балладу «Ревнивый парень», записанную в Эльзасе молодым Гёте в 1771 г. и опубликованную Гердером в его знаменитой антологии народных песен (Stimmen der Völker in Liedern r. Gesammelt, geordnet, zum Theilüberfest durch Johann Gottfried von Herder, 1778–1779. 5. Buch): «Не нож ли в руках очутился? / Не острый ли это клинок / Красавице в сердце вонзился? / И брызнула кровь на песок. / Он снял с ее пальца колечко, / Он снял золотой перстенок / И бросил в прозрачную речку, / Что резво бежала у ног» (цит. по: *Гугнин А.А.* Народная и литературная баллада: судьба жанра // Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов / Отв. ред. Л.Н.Будагова. М., 1996, с. 84).
- 50 См., например: Окрасился месяц багрянцем // Студия «Илосик». Минусовки, тексты и ноты. Народные песни (www.ilosik.ru/lyrics/people/14/okrasilsya_mesyc.html).
- 51 *Лермонтов М.Ю.* Атаман // Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1954. Т. 1. С. 198.
- 52 «Он был ненавистник всего, что стояло выше его. Закон, общество, Церковь — все, что связывает личные побуждения человека, все попирала его неустранимая воля. Для него не существовало сострадания. Честь и великодушные были ему незнакомы. Таков был этот борец вольницы, в полной мере изверг рода человеческого...» (*Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина //

- Отечественные записки. 1858. Т. 121. Кн. 11, 12; 2-е дополн. изд.: СПб., 1859; здесь и далее все ссылки приводятся по изд.: *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 352).
- 53 *Железнов И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков // Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. Изд 3-е., под ред. Н.А. Бородина. СПб., 1910. Т. I. С. 59–60.
- 54 *Садовников Д.* Из «Волжских песен» // Волжский вестник. 1883. № 12 (март). С. 261 (первая публикация).
- 55 *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края. № 110.
- 56 *Морозов А.* Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие // Я. Стрейс. Три путешествия / Введение А. Гайсиновича. Пер. [с голланд.] Э. Бородиной. Ред. [вступит. статья, примеч.] А. Морозова. М., 1935. С. 23–38.
- 57 *Struys J.J.* Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige Reysen, door Italien, Griekelandt, Liflandt, Moscowien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere Gewesten... T'Amsterdam, by Jacob van Meurs, op de Keysers Graft, en Johannes van Someren, in de Kalverstraat, 1676.
- 58 *Корнилович А.* Голландец Ян Янсен Стрейс // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 9. С. 275–290; Ч. 10. С. 26–40.
- 59 *Юрченко П.* О путешествии по России голландца Стрьюса // Русский архив. 1879. № 7. С. 266–269.
- 60 *Стрейс Я.* Указ. соч. Судьба казанного Петром I (и, возможно, выполненного) перевода остается неизвестной.
- 61 *Боярин И.С.* Прозоровский — астраханский воевода (1667–1670), впоследствии зверски убитый разинцами при взятии города.
- 62 *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 201–202.
- 63 *Королев В.Н.* Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Ростовского этнографического музея-заповедника: Сб. статей. Новочеркасск, 2004. Вып. 2. С. 82–120.
- 64 *Веретенников В.И.* Об иностранных, современных событиях, источниках для истории разинского восстания // Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. Харьков, 1927. Т. II. С. 171–177.
- 65 *Olearius A.* Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise; *Морозов А.* Указ. соч. С. 32–34.
- 66 *Неклюдова М.* «Общая картина современной России» Виктора Комераса (К вопросу о типологии европейской «Россики») // Тыняновский сборник. М., 2002. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. С. 81.
- 67 Там же. С. 79–80; *Морозов А.* Указ. соч. С. 28–29.
- 68 [Юрченко П.] Путешествие по России голландца Стрейса // Русский архив. 1880. № 7. С. 3; *Морозов А.* Указ. соч. С. 31–32, 36–37.
- 69 *Konvalov S.* Ludvig Fabritius's Account of the Razin Rebellion // Oxford Slavonic Papers. 1956. Vol. 6. P. 72–94; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. Т. 1. С. 46–73.

- 70 Konovalov S. Op. cit. P. 74; Маньков А.Г. О записках Л. Фабрициуса // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 11–12.
- 71 Там же. С. 9–10; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 362.
- 72 Там же. С. 47–48.
- 73 Королев В.Н. Указ. соч. С. 86.
- 74 Там же. С. 5–6; Konovalov S. Op. cit.
- 75 Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 46–73.
- 76 Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 373–374; Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. № 110 (с. 128); Якушкин П.Я. Путевые письма из Астраханской губернии // Отечественные записки. 1868. № 10. С. 143–144 (= Якушкин П.Я. Соч. / Вступит. статья, коммент. З.И. Власовой. М., 1986. С. 319–321).
- 77 «О Разине сочинено много народных песен, складывать их начали еще в XVII веке. Однако в тех, ранних, нет и намека на историю с персиянкой» [Каминская М. «С ним царь Петр встретиться хотел...» (интервью с М.П. Астапенко, зав. научно-просветительским отд. Старочеркасского музея-заповедника) // Наше время (разд. «Культура»). Ростов-на-Дону, 2012. № 281–283.
- 78 Певец Волги Д.Н. Садовников. Куйбышев, 1940. С. 150–151; Головачев В., Лаишин Б. Народный театр на Дону. Ростов-на-Дону, 1947. С. 31, 66–67; Русское народное творчество в Башкирии / Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Под общ. ред. Э.В. Померанцевой. Отв. ред. А.Н. Киреев [Башкирский филиал Института истории языка и литературы Баш. Фил. АН СССР]. Уфа, 1957. С. 249–251; Крупянская В.Ю. Указ. соч. С. 274; Байкальские легенды и предания. Фольклорные записки Л.Е. Элиасова. Изд. 2-е, дополн. и переработанное. Улан-Удэ, 1984. С. 165.
- 79 Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 373–374.
- 80 Березкина С.В. Указ. соч. С. 179.
- 81 Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. № 110.
- 82 Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 373.
- 83 Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 120; Попов А.Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 39–40; [Chardin J.] Voyages du Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. P., 1811. Vol. X. P. 135–138.
- 84 Сообщение касательно подробностей мятежа... С. 107–108.
- 85 Kurtze doch Wahrhaftige Erzählung von der Blutigen Rebellion in der Moscau / Angerichtet durch den großen Verräther und Betrieger Stenka Razin Donischen Cosaken / Wie er wider seinen Käyser / den großen Herrn Zaar und Groß-Fürsten Alexe Michaloiwits, aller großen, kleinen und weißen Reußen Selbst-Erhalter / Anno 1667. auffgestanden / und seine Rebellion continuiert biß Anno 1971. / da er gefangen und auff einen schändlichen Triumph-Wageg am 2. Junii in die Stadt Moscau eiingeführt und 6. drauff öffentlich allda gerichtet worden. [Wolffenbüttel:] Emden, 1671.

- С.Ю. Неклюдов. Русский фольклорист Александр Дюма и легенда о Девичьем кургане
- 86 Стрейс Я.Я. Указ. соч. С. 199–200; Сумароков А. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб., 1774. С. 4–5.
- 87 Али-Баба и сорок разбойников. Избранные сказки и рассказы из «Тысячи и одной ночи» / Пер. с араб. М. Салье М., 2003 (сер. «Мировая классика»).
- 88 Герхардт М. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». М., 1984. С. 148–149.
- 89 Салье М. Послесловие // Книга тысячи и одной ночи в восьми томах / Пер. с араб. М.А. Салье. М., 1958–1959. Т. 8. С. 431–432; Герхардт М. Указ. соч. С. 157–161.
- 90 Les mille et une Nuit: Contes arabes. Traduits par Antoine Galland. P., 1704–1717. Т. I–XII; Кокхьяра Дж. История фольклористики в Европе / Пер. с итал. М., 1960. С. 54, 56–58; Полевщикова Е.В. Об экземпляре «Различных портретов» в библиотеке Воронцовых // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці: Матеріали Міжнародних книгознавчих читань (м. Одеса, 14–16 верес. 2009 р.) : [зб. ст.] Упоряд.: О. В. Полевщикова, В.В. Самодурова, О.В. Суворовцева. Наук. ред. І.С. Гребцова. Відп. ред. М.О. Подрезова. Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса, 2010. С. 253–254.
- 91 Кольцов А.В. Стенька Разин // Кольцов А.В. Стихотворения. Л., 1953. С. 214–215.
- 92 Железнов И. Указ. соч. С. 60.
- 93 Гусев В. Песни романсы, баллады русских поэтов // Песни русских поэтов в двух томах. Т. 1. С. 23–24.
- 94 Тонков В.А. А.В. Кольцов и фольклор. Воронеж, 1940; Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. II. С. 211, 335, 344–346.
- 95 Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. № 110 [с. 123].
- 96 Садовников Д.Н. Зазноба // Поэты-демократы 1870–1880-х годов. М., 1962. № 409.
- 97 Рыскин С.Ф. Первый шаг: Стихотворения. М., 1888. Цит. по: Песни и романсы русских поэтов. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. В.Е. Гусева. М.; Л., 1965. № 601. Сергей Федорович Рыскин (1859–1895) – писатель и журналист, автор стихотворений по мотивам народных песен, сказок и преданий (циклы «В деревне», «На Волге», «Народные мотивы», «Сказки»), впоследствии вошедших в песенники, а также романа «Купленный митрополит, или Рогожские миллионы» (М., 1893). Фигурой разбойничьего атамана поэт интересовался особо, а его стихотворение «Стенька Разин» стало народной песней.
- 98 В популярном романсе на эти слова («Живет моя отрада в высоком терему...»; муз. М.Д. Шишкина) авторский текст чуть ли не вчетверо сокращается, а драматические подробности его сюжета исчезают; см. эстрадно-исполнение Варей Паниной, Лидией Руслановой, Тамарой Церетели, Клавдией Шульженко, Вадимом Козиным (Баделин В.И. Земля Иванов: Историко-литературные очерки. Иваново, 2004. С. 308–315). В песенниках он появляется в начале XX в. (Ермак. М., 1912); фольклорные варианты: Русские народные песни. Вступит. статья, сост. и примеч. А.М. Новиковой. М., 1957.

- С. 428; Фольклор семейских / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963. С. 288; Песни и романсы русских поэтов. № 601 (коммент.).
- ⁹⁹ Кольцов А.В. Удалец // Кольцов А.В. Стихотворения. С. 137–138.
- ¹⁰⁰ Ширяевец А. Атаманова зазноба // Ширяевец А. Раздолье. М.; Пг., 1924 (Б-ка соврем. рус. лит.); Ширяевец А. Стихотворения // Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти века. М., 1991. Ширяевец (Абрамов) Александр Васильевич (1887–1924) – один из «новокрестьянских» поэтов, прозаик, драматург, журналист.
- ¹⁰¹ См. некоторые пародийные «продолжения» знаменитых «Кирпичиков» (Неклюдов С.Ю. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник. Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д. Тименчика. М., 2005. С. 280–281).
- ¹⁰² Аудиокассета «В эпоху войн, в эпоху кризиса» («В нашу гавань заходили корабли», 5), № 15/В.
- ¹⁰³ «Дубровский» в этом плане объединяет обе сюжетные версии: героиня – и «дочь» (сначала), и «жена» (в конце); вспомним также о намерении разбойников убить мужа героини – князя Верейского (гл. XVIII).
- ¹⁰⁴ Волжский фольклор / Сост. В.М. Сидельников, В.Ю. Крупянская. Предисл. и ред. Ю.М. Соколова. М., 1937. № 27–29; Фольклор Чкаловской области / Сост. А.В. Бардин. Чкаловск, 1940. С. 213.
- ¹⁰⁵ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 438.
- ¹⁰⁶ Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах. чл. сотр. А.Н. Минхом // Зап. Имп. Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XIX. Вып. 2 (Отдельный оттиск: СПб., 1890 [= Саратов, 1910]); Зайковский Б.В. Бугор Стеньки Разина // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1908. Вып. 24. С. 44–55; Лозанова А.Н. Народные легенды и предания о Степане Разине // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / Под ред. Ю. Соколова. М., 1929. Т. IV–V. С. 53.
- ¹⁰⁷ Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью / Сост. Я. Кучин. Саратов, 1865; Лозанова А.Н. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁰⁸ Дневные записки путешествия доктора академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. I. С. 537.
- ¹⁰⁹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 438.

М.Л. Андреев

«ДЕКАМЕРОН» В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

ТА ПОЧВА, НА КОТОРОЙ ВЫРОС и утвердился какой-нибудь классический литературный жанр, как правило, нам известна плохо или неизвестна вообще. Мы знаем, что Эсхил и Аристофан не были первыми (и подозреваем, что не был первым Гомер), мы даже иногда знаем имена их предшественников, но не знаем их произведений. С новеллой ситуация иная и единственная в своем роде: мы знаем, что было до «Декамерона», и поэтому можем оценить личный вклад Боккаччо в формирование этого жанра. Нельзя сказать, что Боккаччо строил на пустом месте. В средневековой литературе существовало много разновидностей короткого рассказа. Была басня, был «пример» – нарративная иллюстрация к проповеди, было фаблио, активно шел процесс структурирования малой повествовательной формы. Это сказывалось, в числе прочего, в том, что, с одной стороны, более или менее пространственные повествования рассыпались на самостоятельные эпизоды (что характерно для агиографии или, к примеру, для жизнеописаний провансальских трубадуров), а с другой – короткие повествования объединялись в обширные своды (что происходило с «примерами»). Цель таких объединений была чисто прикладной – облегчить поиски подходящего примера, но тем самым обозначались претензии на некий квазижанровый статус.

«Пример» и фаблио – это два полюса средневековой предновеллистики. В «примерах» на первом плане поучение, в фаблио – развлечение: «примеры» не только сопровождаются, подобно басне, моралистическими концовками, но сам их нарративный порядок подчинен, как правило, дидактической цели; фаблио тяготеют к чистому бурлеску и наиболее прямым и откровенным формам комического. При этом в фаблио зачастую имеются финальные моралистические резюме, а «примеры» чем дальше, тем активнее осваивают фольклорную традицию (имевшую огромное значение для фаблио) и проявляют тенденцию к нарративному усложне-